

Искушение

Метели путь мой заметали,
Но вывел к дому огонёк.
Меня встречая, в чёрной шали
Старуха вышла на порог.

Пустила молча на ночлег
И постелила, словно сыну,
И понял я её кручину,
Как самый близкий человек...

Нисходит озаренье свыше,
Когда сбивает вьюга с ног.
Вдруг голос матери я слышу:
«Вернись на родину, сынок».

Пусть тучи нависают низко,
Я вижу в темноте огни.
Иду с молитвой материнской:
«Сынок, Господь тебя храни!»

Когда дороги жизни пройдены,
Тогда дойдёшь до глубины.
И возвращение на родину—
Как искупление вины.

Святому поклонюсь распятию
И на родной порог взойду.
И на колени перед матерью
Я блудным сыном упаду...

Родник

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.

И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно лиф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.

Исток обжёт устами струй
Горячих русских слёз.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унёс.

Русская душа

Зима. Год сорок пятый. Русь.
Война идёт к закату.
И трудно верить в «Gott mit uns»
Немецкому солдату.

Несладко и ему в плену:
Морозы, снег и голод.
Он понимал свою вину,
Ведь был уже немолод.

Белели из берёз кресты
В безмолвии суровом.
И до деревни полверсты
Добрёл он по сугробам.

Ввалился в избу, как скелет,
Худой и несуразный.
По похоронке на столе
Всё немец понял сразу.

У горя милостыню ждать—
В боль сыпать соль солонкой...
Но поднялась седая мать,
Как тень, над похоронкой.

Сказала: «Погоди, сынок...»
Рукой в набухших жилах
В солдатский мятый котелок
Краюшку положила...

Проруха

Гудела когда-то
Затонная тишь.
Закатом объята
Семь сторбленных крыш.

От жалости сжалась
Живая душа.
Деревня осталась—
Дорога ушла.

Вздохнула старуха:
«Господь, ей прости,
Что с нашей прорухой
Не по пути».

«Лёгкая смерть»

Лёгкой смерти для мамы я у Бога молил.
Видеть муки её больше не было сил.

Бог услышал меня—мать ушла в мир иной,
И с тех пор мою душу оставил покой.

Не могу той мольбы сам себе я простить.
Пусть в мученьях, ещё ведь могла бы пожить

На земле для родных, ну хотя бы немного...
И зачем лёгкой смерти молил я у Бога!

Так терзает бессонною ночью вина.
И простить меня может лишь мама одна.

Молитва

Помню, я смеялся над бабкой,
Уверял её: «Бога нет!»
И крестилась она украдкой
На божницы закатный свет.

Так бывало: лишь рассвело,
Я глаза открывал. «Да спи ты!»—
Бабка день начинала с молитвы
И молитвой кончала его.

И мне это смешным казалось.
С той поры прошло много лет.
Одна в доме она осталась.
Все разъехались. Помер дед.

Детство светит магнитным светом.
По нему сверяем судьбу.
Потому пришёл за советом
Я в родную свою избу.

Поклонившись с порога бабке,
Шапку снял я и, сев на скамью,
Под иконами в красной рамке
Всю родню увидал свою.

В притолоке качнулось,
Тихо скрипнув, для зыбки кольцо.
И знакомо вдруг усмехнулось
Мне со снимка моё лицо.

За окошком метель бесилась.
Тёмен ликом был скорбный Спас.
Здесь святая душа молилась
За её позабывших—нас.

Богоматерь смотрела с мукой.
Сердце жалось от боли в комок...
Помолись, родная, за внука,
Чтобы верой спастись он смог.

Не согреет рябина...

«Гой ты, Русь моя!» Выть твоя горем засеяна.
Глотку волка сдавила капканом тоска.
На торги выставляют удавку Есенина.
Обнищала душа—и пошла с молотка.

И продать, и купить можно всё в идеале.
«Смерть поэта», как нефть, подскочила в цене.
В разорённой стране есть «Страна негодяев»,
Где калифом навек бизнесмен на коне.

А народу осталась одна лишь отрада.
И покорно он вздёрнут на телеигле.
Прёт на нерест её голубая отрава.
Открестясь от чертей, плачет ангел во мгле.

Не согреет рябина, огарком сгорая.
Пляшет ветер, а дьявол играет в дуду.
Лучше в петлю! Не надо за доллары рая.
«До свидания, друг мой!»—
«До встречи в аду».

Если в Бога не веришь, молиться нелепо.
В каждом мальчишке чёрный живёт человек.
Задыхаясь, ногтями царапаем небо.
И на землю извёсткою сыпется снег.

Холм могильный

Мне опять живой приснилась мать.
Подошёл, хотел её обнять.

Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...

Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, берёзы листья сбросили...

Снег теперь хранит её покой
Долгою холодною зимой.

А весной ей птицы будут петь,
Летом сосны на ветру шуметь.

На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.

И всплакнёт берёза надо мной,
Осыпая золотой листвой...

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка—крылата!

От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

Погост

Высокий холм вздымается в крестах.
И слёзы застывают на глазах.
Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.

Качнусь от горя я—без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.
Скрестила руки на груди родня
И ждёт не в гости—насовсем меня.

Ожидание

Золотые сердечки берёзы
Засыпают могильный холм.
Вспомнил я материнские слёзы
И родительский старый дом.

Не вернуться мне больше туда.
Впору сердцу с тоски разорваться!
Не прощу себе никогда
То, что с мамой не смог попрощаться.

У могилы повинно стою.
Душу ломит невыносимо!
Где ж ты, мама? Наверно, в раю
Золотым своим сердцем ждёшь сына...

Родня

Срок настанет—и родня
Хоронить пойдёт меня.
На горé стоит погост.
Он крестами в небо врос.
Крепче нет его корней.
Мёртвые живых родней.
Тихо мать вздохнёт: «Сынок,
Снова ты под сердце лёг».

Всё в душе

Скоро к Богу уже.
Скарб я нажил большой.
Унесу всё в душе.
Ничего за душой.

Знал морозный я зной.
Пел про холод огня.
Золотою казной
Лес осыпал меня.

Переломится свет.
Лягу я средь корней...
Был поэт или нет?
После смерти видней.